

УДК 130.2:2-67
ББК 87.3 (2):71

Евгений Михайлович Титаренко

Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат философских наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: titem@mail.ru

Культура и рекреатура: Н.А. Бердяев и Н.Ф. Федоров о кризисе гуманизма

Аннотация. Статья посвящена малоизученной проблеме рецепции культурологических идей Н.Ф. Федорова Н.А. Бердяевым в аспекте его философии творчества. Анализируются сочинения Бердяева, посвященные теме кризиса гуманизма и религиозного понимания сущности будущей культуры. Эта тема нашла отражение во многих его работах и прежде всего таких, как «Религия воскрешения» («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова), «Философия свободы», «Смысл творчества», «Конец Ренессанса и кризис гуманизма», «О духовной буржуазности» и др. Сравнительный анализ философии Бердяева с идеями универсалистского проекта Федорова позволяет увидеть отличия позиций мыслителей в понимании истоков кризиса культуры и гуманизма. Бердяев видит специфику религиозно-философских взглядов Федорова в том, что они определялись проективным образом активной апокалиптики и соборности в творческом преобразовании мира. В его рецепции учения Федорова, изложенного в работе «Философия общего дела», становятся актуальными идеи философии свободы, творчества, личности, индивидуации, объективации. Сравнение представлений Бердяева с утопическим проектом «рекреатуры» (воссоздания) Федорова выявляет близость взглядов обоих мыслителей. Истоки кризиса они видят в метафизике подмены ценностей буржуазного мира, где была утрачена связь с религиозными и литургическими истоками культуры. Наступление буржуазной цивилизации они расценивают как торжество профанации в пространстве культуры. Критика Федоровым европейских идеалов гуманизма оказывается созвучной идеям Бердяева, который писал о перерождении гуманизма в антигуманизм. Он представляет образ культуры будущего в философии Федорова как теургический проект. Вместе с тем, признавая значимость федоровского учения, Бердяев находит, что в нем недостаточно глубоко выражена идея индивидуальности и творческой свободы личности. В «эстетическом супраморализме» Федорова и в образе «нового средневековья» Бердяева были намечены пути преодоления кризиса гуманизма и кризиса творчества. Эти идеи остаются актуальными для понимания оснований христианского универсализма в культуре XX века.

Ключевые слова: русская религиозная философия, философия творчества Н.А. Бердяева, «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова, эстетический супраморализм Н.Ф. Федорова, кризис культуры и гуманизма, цивилизация и культура, апокалиптика, теургический проект, христианский универсализм

Evgeny Mikhailovich Titarenko

St. Petersburg State University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate professor, Russia, St. Petersburg, e-mail: titem@mail.ru

Culture and Recreation: N.A. Berdyaev and N.F. Fyodorov on the Crisis of Humanism

Abstract. This article is dedicated to the little-studied problem of the reception of N.F. Fyodorov's cultural ideas by N.A. Berdyaev in the context of his philosophy of creativity. It analyzes Berdyaev's works that address the theme of the crisis of humanism and the religious understanding of the essence of future culture. This theme is reflected in many of his writings, particularly in such works as "The Religion of Resurrection ("The Philosophy of the Common Cause" by N.F. Fyodorov)", "The Philosophy of Freedom", "The Meaning of Creativity", "The End of the Renaissance and the Crisis of Humanism", "On Spiritual Bourgeoisness" and others. A comparative analysis of Berdyaev's philosophy with the ideas of Fyodorov's universalist project allows us to see the differences in the thinkers' positions regarding the origins of the crisis in culture and humanism. Berdyaev perceives the specificity of Fyodorov's religious-philosophical views as being determined by a projective image of active apocalypticism and sobornost (spiritual community) in the creative transformation of the world. In his reception of Fyodorov's teachings, as presented in "The Philosophy of the Common Cause", ideas from the philosophy of freedom, creativity, personality, individuation, and objectivation become relevant. The comparison of Berdyaev's views with Fyodorov's utopian project of "recreation" reveals a closeness in the perspectives of both thinkers. They see the roots of the crisis in the metaphysics of value substitution in the bourgeois world, where the connection with religious and liturgical origins of culture has been lost. The advent of bourgeois civilization is regarded as a triumph of profanation in the realm of culture. Fyodorov's critique of European ideals of humanism resonates with Berdyaev's ideas, who wrote about the transformation of humanism into anti-humanism. He envisions the image of future culture in Fyodorov's philosophy as a theurgic project. At the same time, while acknowledging the significance of Fyodorov's teachings, Berdyaev finds that it does not adequately express the idea of individuality and creative freedom of the person. In Fyodorov's "aesthetic supramoralism" and Berdyaev's vision of a "new medievalism", paths to overcoming the crisis of humanism and creativity were outlined. These ideas remain relevant for understanding the foundations of Christian universalism in 20th-century culture.

Key words: Russian religious philosophy, N.A. Berdyaev's philosophy of creativity, N.F. Fyodorov's "Philosophy of the Common Cause", N.F. Fyodorov's aesthetic supramoralism, crisis of culture and humanism, civilization and culture, apocalypticism, theurgic project, Christian universalism

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.128-142

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) является одной из самых значительных фигур в развитии русской философии Серебряного века и русского зарубежья, личностью, в которой, может быть, в наиболее яркой форме проявились энтузиазм творчества и попытка соединения безграничного персонализма с духом Откровения. Проблема кризиса гуманизма становится одной из главных в его философии свободы, решение ее вылилось в своеобразную культурфилософию, нашедшую отражение в его работах «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916 г.), «Конец Ренессанса» (1919 г.), «Смысл истории» (1923 г.), «Философия неравенства» (Письма к недругам по социальной философии)» (1923 г.), «Новое средневековье» (1924 г.), «Истина и откровение» (1947 г.), «Самопознание» (1948 г.), «Пути гуманизма» (1948 г.). Пережитый опыт истории XX века утверждает Бердяева в мысли, что тема гуманизма имеет центральное значение для современности, поскольку «человек в опасности, и самый образ его может пошатнуться»¹.

¹ См.: Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: Академический проект, 2019. С. 377 [1].

Проблемы кризиса гуманизма, расцвета и упадка культуры, истоков ренессанса рассматривались Бердяевым в широком контексте философской мысли Европы и России. Идеи Ф. Ницше, О. Шпенглера, Р. Штейнера, Ф. Достоевского, В. Соловьева, К. Леонтьева, Н. Данилевского и других мыслителей воспринимались и оценивались им в связи с поисками ответа на вопрос о сущности культуры, ее отношении к цивилизации, о религиозных основаниях цивилизации и будущем мироустройства. В восприятии русской философии Бердяева отличала способность увидеть главное во взглядах мыслителей, сопоставить их идеи со своим жизненным и духовным опытом, соотнести с ценностями философского персонализма, который составлял основу его мировоззрения. Так Бердяев воспринимал Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева – наиболее глубоких и дерзновенных выразителей главных идей новой русской философии, воплотивших, как пишет С.Г. Семенова, «идею Богочеловечества <...> в деле преображения падшего, смертного мира в иной, божественно-бессмертный статус бытия, Царствие Небесное» [2, с. 7].

Проблема кризиса гуманизма, которая становится центральной для историсофии и философии творчества Бердяева, может быть рассмотрена в сопоставлении со взглядами на нее Николая Федоровича Федорова (1829–1903), что позволит понять неоднозначность решения этого вопроса в контексте идей нового религиозного сознания. Эта проблема все еще остается малоисследованной. Вместе с тем высокая оценка Бердяевым значимости философии Федорова важна для осмысления многих проблем кризиса культуры и гуманизма в интеллектуальном пространстве XX века. В статье «Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н. Федоров)», опубликованной в журнале «Путь» (1928, № 11), он писал: «Интерес сегодняшнего русского дня к Н. Федорову объясняется его своеобразным коллективизмом, его активизмом, верой в технику, враждой к индивидуализму и к романтической и пассивно-мистической настроенности культурной аристократии, его верой в миссию России» [3, с. 628].

Федоровский проект супраморализма был прямой противоположностью гуманизма как выражения духа буржуазности. Христианский универсализм «Философии общего дела» был нацелен на понимание высших пределов бытия, смысла жизни и на поиск новых форм социальности. В статье к проекту Всемирной парижской выставки «Выставка 1889 года, или наглядное изображение культуры, цивилизации и эксплуатации...» (1897–1898 гг.) Федоров пишет, что «нравственное, благое, истинное стали отвлеченными понятиями, а должны быть необходимыми принадлежностями жизни и составлять самое существо человека», а «в гуманизме, или гомункулизме, – в самой неопределенности уже этого слова заключается отрицание смысла жизни» [4, с. 453]. Он определяет морфологию буржуазного гуманизма так: «...гуманизм состоит в снисхождении и поблужках слепой чувственности, таково выражение: человек есмь, и ничто человеческое мне не чуждо, т.е. не чуждо *человеческое*, в котором так много еще скотского и зверского» [Там же, с. 456].

Весь жизненный и творческий опыт утверждали Федорова в сакральном значении родства, в чувстве и осознании сыновства как истинного содержания человека, а человечества как братства и царства христианского Града. Свет идеи активной апокалиптики выявлял образ России, ее прошлое и будущее, выражая мечту Федорова о восстановлении всемирного родства, или Собора. Эти темы были близки Бердяеву. Неизменный интерес Бердяева к «Философии общего дела» отмечает А.Г. Гачева, проследив обращение мыслителя к федоровской теме. Она пишет, что «Бердяев особенно выделял как раз Федорова с его учением о творческом призвании человека в мире, попыткой раскрыть конечные обетования христианства (воскрешение умерших, бессмертие живущих, преображение земли в Царствие Божие) не как трансцендентный идеал, но как предмет живого общего дела, как задачу истории» [5, с. 323].

Интерес к философии Федорова не угасал на протяжении всей жизни Бердяева. Уже будучи в эмиграции, он пишет из Кламара 17 октября 1927 г. Н.А. Сетницкому: «Меня очень обрадовало получение от Вас ненапечатанных вещей Н.Ф. Федорова, которого я очень высоко ценю» [6, с. 362]. Сообщая о готовности печатать в журнале «Путь» материалы, связанные с федоровской тематикой, он замечает: «У меня такое впечатление, что идеи Н. Федорова сейчас могут иметь влияние в России» [Там же].

Но восприятие Бердяевым проективной философии Федорова оценивается исследователями далеко не однозначно. Например, в философии творчества Бердяева Р.А. Гальцева видит пропаганду «небывалого человеческого титанизма», что «по своему размаху роднит Бердяева с невероятными проектами преобразования жизни у Н.Ф. Федорова (о котором он недаром часто и с восторгом вспоминает)»². Загадка этого «родства» связана с проблемой выявления особенности рецепции проективной философии супраморализма Федорова в творчестве Бердяева.

В целях исследования этой проблемы обратимся к сопоставительному анализу темы кризиса культуры, развиваемой в работах мыслителей. Методологической основой может послужить экзистенциально-психологический метод, применяемый Бердяевым для «осмысления феномена контroversивных идеологических явлений», как это определяется В.Ю. Даренским, отмечающим «широкий потенциал применения в кругу подобных явлений»³. Характерно в этом отношении суждение, высказанное В.Н. Свенцицким в его работе «Ответ Н.А. Бердяеву»: «В “новом религиозном сознании”, поскольку оно утверждает истину, <...> – писал он, – нет ничего нового, а то, что в нем действительно

² См.: Гальцева Р.А. Sub specie finis: Утопия творчества Н.А. Бердяева // Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. К портретам русских мыслителей. М.: Петроглиф; Патриаршее подворье храмового мц. Татианы при МГУ, 2012. С. 258 [7].

³ См.: Даренский В.Ю. Деконструкция антитезы «славянофильство» – «западничество» в историософии Н.А. Бердяева // Николай Александрович Бердяев. М.: Российская полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 505 [8].

ново, не истинно, или во всяком случае, совершенно голословно, не подтверждено никакими логическими аргументами и не засвидетельствовано никаким новым религиозным действием» [9, с. 160]. Парадоксальность высказываний Бердяева отмечает и Р.А. Гальцева в отклике на первую публикацию в России книги Бердяева «Истина и откровение: Прологомены к критике Откровения», осуществленную в 1996 году. Обращая внимание на «эскалацию утопизма» в содержании его итогового трактата, она пишет, что «энергия его романтических воспарений, страстных отталкиваний и притяжений убеждала в значительности его слова, что подтверждалось и его духовидением, и его историко-философской гениальностью» [10, с. 320].

«История бытия никогда не в прошлом, она всегда впереди», – писал М. Хайдеггер [11, с. 314]. Эти слова Хайдеггера близки представлениям Бердяева. Переплетение у Бердяева публицистики с проповедью, по мнению В.В. Зеньковского, сочетается с дидактическим началом. Он считает, что «Бердяев всегда учит, наставляет, обличает и зовет, всегда в нем выступает моралист»⁴. С этим трудно не согласиться. Стоит заметить, что именно это качество в такой же степени присуще и Федорову. Его панморализм определяет подходы ко всем затрагиваемым им сферам и темам, в том числе и к проблеме кризиса культуры, оценке гуманизма, понимания философии творчества.

Федоров с его учением супраморализма был для Бердяева личностью, побуждающей к движению мысли за пределы обыденности, к поиску истины и правды. Первое впечатление от знакомства с его идеями, состоявшегося благодаря книге В.А. Кожевникова «Н.Ф. Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам» (М., 1908), содержит, на наш взгляд, важное замечание, выраженное в его сочинении «Философия свободы» (1911 г.), где Бердяев, размышляя о реальности бытия, об упразднении *бытия* позитивизмом, пишет: «Я был поражен сходством некоторых моих религиозно-философских мотивов с религиозно-философскими мотивами Федорова. Таков прежде всего мотив отношения к предкам, к “отечеству”, сознание необходимости работать для предков и для восстановления их жизни не менее, чем для потомков» [13, с. 124].

В одной из первых статей Бердяева о Н.Ф. Федорове «Религия воскрешения», опубликованной в журнале «Русская мысль» (1915 г.), содержится не просто его оценка идей мыслителя, но и глубокий, не лишенный экспрессивной выразительности психологический портрет мыслителя. Здесь указывается, что Федоров «гениальный самородок, оригинал и чудака», что «это характерно русский человек, русский искатель всеобщего спасения, знающий способ спасти весь мир и всех людей», и «в недрах России, в самой народной жизни немало есть таких людей, но в лице Федорова этот русский тип нашел свое гениальное

⁴ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Т. II. Париж: YMCA-PRESS, 1950. С. 301 [12].

выражение»⁵. «Ведь поистине это характерная черта русского духа, – писал он, – искать всеобщего спасения, нести в себе ответственность за всех» [14, с. 426].

Носителем подобного духа и сознания мог быть человек особого характера, своеобразного психологического строя, жизненного опыта и поведения. Этим, возможно, объясняется внимание Бердяева к особенностям природы и чертам личности Федорова. «Федоров – исключительно здоровый, трезвый, цельный дух..., – указывает он. – В самом малом он умел видеть великое и мировое. В скромном деле библиотекаря музея, которое Федоров исполнял с необыкновенной добросовестностью, он видел начало всеобщего дела воскрешения мертвых» [14, с. 429]. Для Бердяева конкретный жизненный опыт и внутренняя организация личности представляются важными источниками мысли, осознания человеком своего существования, действительности и времени.

Трактовка Бердяевым личности и философии Федорова следует традиции русской герменевтики, для которой было важно сопоставлять идеи мыслителей и писателей в целях интерпретации сущности неповторимого образа автора. Сравнение учения Федорова с исканиями славянофилов и западников, а также Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева приводит Бердяева к утверждению об исключительном его значении для русской мысли. Он пишет, что именно Федоров «довел до последней остроты и предельной крайности это русское сознание всеобщей ответственности всех за всех и долга всеобщего спасения. Он совершенно отвергает всякую личную, индивидуальную перспективу жизни временной и вечной как безнравственную, бесчеловечную и безбожную»⁶. Далее он указывает, что для мыслителя «жить нравственно, человечно и божественно можно лишь со всеми и для всех, не для других, но для всех без единого исключения», поэтому он «мыслитель-радикал, все доводящий до предела, не допускающий никаких сделок и компромиссов»⁷.

В весьма подробной и глубокой экспликации учения Федорова, развернутой в работе «Религия воскрешения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова)», Бердяев прибегает к характерному приему сопоставления идей мыслителя с ключевыми идеями собственных философских построений, такими, как свобода творчества и личности, индивидуация, объективация. К интерпретации Бердяева применимо суждение М.М. Бахтина о двух срезах герменевтического анализа текста и соответствующих им задач. М.М. Бахтин пишет: «Первая задача – понять произведение так, как понимал его сам автор, не выходя за пределы его понимания. Решение этой задачи очень трудно и требует обычно привлечения огромного материала. Вторая задача – использовать свою временную культурную вневходимость. Включение в наш (чужой для автора) контекст» [15, с. 349].

⁵ См.: Бердяев Н.А. Религия воскрешения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова) // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 426 [14].

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 426.

Смещение планов трактовок сопровождается прочтением Бердяевым деталей и всего замысла проекта «Философии общего дела». Так, федоровская оценка и критика гуманизма проистекает из идеи родства, сыновства. «На философии общего дела, – резюмирует Бердяев, – сказались все противоречия мысли XIX века, все смешения в нем ветхого и старого с новым и грядущим» [14, с. 468]. Пророческим духом пронизаны слова Бердяева о значении федоровского проекта, за которым «скрыта праведная воля человека, созревшего для совершеннолетней жизни, новое религиозное сознание, сознание – имманентное»⁸. Здесь мы видим переход к интерпретации идей Федорова в контексте реалий и философских исканий XX века. Бердяев полагает, что источником, вдохновляющим творческие потоки поисков путей будущего мироустройства, станет «активное и социальное понимание Апокалипсиса», духовность, получившая свою форму в идеале «Философии общего дела»⁹.

В 1928 г. Бердяев вновь обращает внимание читателя на личность и учение Федорова, публикуя в журнале «Путь» статью «Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н. Федоров)». В этой статье отчетливо обозначена не только идея гениальности скромного библиотекаря Румянцевского музея, но и противоположность взглядов Федорова общепринятым представлениям о гуманизме. «Новизна идей Н. Ф., столь многих пугающая, – пишет Бердяев, – в том, что он утверждал активность человека несоизмеримо большую, чем та, в которую верит гуманизм и прогрессизм» [3, с. 631].

В проективном истолковании догмата Троичности Бердяев видит заповедь, лежащую в основании своеобразного федоровского учения о родстве как начале общего дела всеобщего воскрешения. Развивая метафизику патриархальности, культа предков, сыновства, Федоров, как полагает Бердяев, стремится утвердить мысль, что постижение догмата Троичности возможно лишь на путях соединения человечества в родственную общественность. В учении Федорова он находит опору для осмысления контуров нового религиозного сознания и понимания причин кризиса культуры. Для мыслителя, как утверждает Бердяев, «Апокалипсис был не фатумом, тяготеющим над человечеством, а отношение к Апокалипсису было не пассивным ужасом и ожиданием, а призывом к активности человека, к “общему делу”, к осуществлению Христовой правды и в жизни социальной» [16, с. 73–74].

На этой идее основана его критика ценностей культуры, в которой утрачены идеалы гуманизма. Исчерпание возрожденческого идеала универсального человека, претерпевшего радикальные трансформации в культуре эпохи барокко и Просвещения, в продолжающихся поисках индивидуальности культурой XIX–XX столетий – все это обернулось пафосом новой коллективности, кон-

⁸ См.: Бердяев Н.А. Религия воскрешения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова). С. 468.

⁹ См.: Бердяев Н.А. Русское христианство и буржуазный мир (письмо в редакцию Esprit) // Бердяев Н.А. О духовной буржуазности. Сборник сочинений. М.: Nouveaux Angles; Париж: Editions des Syrtes, 2022. С. 73 [16].

струированием образов нового социального устройства. Возможно, что эта метаморфоза стала следствием переплетения двух линий ренессансного сознания: «сквозной идеи космоизации («универсализации») человека и окультуривания всего земного бытия, в центре которого он стоит», как считает Л.М. Баткин, утверждая, что «ренессансный антропологический идеал – это модель индивида, а не общества, индивидуальной *virtu*, а не социальных отношений»¹⁰. Ренессансный гуманизм воспринимается Федоровым и Бердяевым в свете нового религиозного сознания, в системе которого переосмысливается связь антропологического и социального идеалов. Оба мыслителя находили причину деградации и хаотизации жизни в ее секуляризации как следствии господства гуманизма ренессансного типа. Истоки кризиса культуры Федоров видел, как замечает С.Г. Семенова, «в идеале ренессансной личности, в гуманизме секулярного типа, ощущал явственные признаки кризиса гуманизма, который так остро развернулся уже в нашем веке, обнаружив в историческом опыте зла доселе невиданного размаха ту страшную противоречивость, что несет в себе чисто человеческая мерка как идеал и абсолют» [18, с. 15].

Сравнение размышлений о кризисе культуры двух мыслителей выявляет определенное сходство их взглядов на искусство как предельное выражение творческого акта. Именно в искусстве они видят как наиболее яркие отблески творческого взлета культуры, так и сумрак ее заката и падения. Очевидность несовпадения замысла произведения и его воплощения представляется истоком и явленным симптомом кризиса творчества, проявившегося уже в культуре ренессанса и охватившего все сферы современного искусства. Характерно в этом отношении обращение Федорова к личности художника, стремящегося выразить собственный мир и воплотить и мир вселенной, утверждая онтологический статус искусства. Например, гений Микеланджело, его художественное творчество и опыт самопознания представлялись Федорову пророческим откровением предела возможностей творчества.

О Микеланджело Федоров пишет в короткой неоконченной статье «Эстетический кризис» (1890 – начало 1900-х гг.), по тексту которой можно судить о глубоком понимании им значения гениального художника не только в истории ренессанса, но и в истории мирового искусства. Учение эстетического супраморализма Федорова в этом контексте представляло собой одну из наиболее значительных версий модели искусства будущего и эстетики как науки в перспективе теoантропоургии. Истинные основания для понимания истоков кризиса искусства следует искать, как утверждает Федоров, «ни у Канта, Гегеля или Ницше, ни в изучении самих произведений художников», а у Микеланджело – «в душе великого художника, мастера во всех искусствах», который «столько же принадлежит Новому времени, эпохе секуляризации, сколько и

¹⁰ См.: Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. С. 243 [17].

векам религии, средним векам», но «этого мало, в нем заключаются принципы будущего искусства»¹¹.

По мнению Федорова, именно Микеланджело показал искусство, каким оно должно быть. Анализируя его известный сонет, посвященный платонической возлюбленной Виттории Колонне, он пишет, что «не в недостатке гения, а в недостатке искусства или техники вообще нужно искать причину мертвенности искусства», и Микеланджело видит это противоречие, «по которому художник-творец кратковременнее своего творения», так как «природа побеждается искусством»¹². В строках сонета мыслитель находит поэтическое воплощение неоплатонических представлений о насыщенности материи духом, о красоте Божественного творения и творчестве как слиянии, соединении энергий человеческого разума с силами одухотворенной природы. За поэтической декларацией отчаяния в строках сонета стоят образы «Страшного суда», «Пьеты», других произведений, в которых выражено трагическое ощущение заката идеалов возрождения, крушение надежд на устройство совершенного миропорядка титаническими усилиями личности. Утверждение Микеланджело, что природа побеждается искусством, принимается и развивается Федоровым в эстетике супраморализма, где идеалом искусства видится не самодостаточная совершенная личность, а человечество, некая соборная личность, объединенная этикой воскресительного долга. Несколько строк, посвященных Микеланджело в неоконченной статье «Эстетический кризис», воспринимаются как начало и исходная точка порождения и изложения Федоровым его идей эстетического супраморализма, в системе которого обосновывается онтологический статус искусства, обретающего форму рекреатуры, воссоздания теоантропоургического образа бытия.

Для Бердяева, связывающего понятие «Ренессанс» с историей культуры Италии, образы и герои Возрождения предстают как феномен свободы творчества. Во время длительного путешествия по Италии в 1911 г. он погрузился в мир высочайших достижений искусства, признавая в этом пространстве не просто страну, а священное место, где нашли предельное воплощение достижения мировой культуры. В работе «Чувство Италии» (1915 г.), своеобразной иеротопии, Бердяев отводит этой стране особое место, заявляя: «Италия – вечный элемент духа, вечное царство человеческого творчества» [20, с. 318]. В душе Италии Бердяев видит «творческую избыточность» солнечной страны, но не современная Италия представляется ему пленительным источником вечной красоты. Современность, по его мнению, отмечена упадком великой латинской культуры, что нашло яркое выражение в искусстве итальянского футуризма, в котором Бердяев находит черты деградации культуры и гуманизма. Философа влечет Вечный Рим, Рим эпохи античности, средневековья, Возрождения, барокко. Однако внимание философа сосредоточено не на произведени-

¹¹ См.: Федоров Н.Ф. Эстетический кризис // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 452 [19].

¹² Там же.

ях, а на истоках, побудивших к их созданию. Само творчество, которое для Бердяева есть выход за пределы индивидуальности, становится главным предметом его изучения. Эту особенность экзистенциального осмысления культуры отмечает и Н.К. Бонецкая, утверждая, что «... он не любил культуры, оплотнившейся в ее ценностях; даже в полотнах великих мастеров Возрождения он дорожил лишь творческим порывом, их породившим» [21, с. 207].

В осмыслении тайны творчества Бердяев остается на позиции персонализма. Его занимают побуждения и внутренние мотивы творчества, личность, индивидуальность творца. Дух Ренессанса, свобода идеалистического гуманизма, связанные с поиском целостного человеческого образа, с обращением к идеалам античности, рассматривались Бердяевым как организм и тип культуры, в которой еще не было столь глубокого осознания несовпадения цели и результатов творчества, как это обнаруживается в культуре современности, обретающей образ механизма, создающего дифференцированные продукты культуры. Основанием кризиса культуры и творчества Бердяев считает объективацию, которая не является реализацией личности. Следуя этому представлению, в своих сочинениях он указывает, что «неудача человеческого творчества связана с объективацией всех продуктов творчества», считая, что «самое творчество выходит за пределы объективации и обращено к новой жизни, к Царству Божьему», поэтому «творения великих творцов уготовляют Царство Божие и входят в него», называя «и греческие трагедии, и картины Леонардо, Рембрандта, Боттичелли, и скульптуры Микеланджело, и драмы Шекспира, и симфонии Бетховена, и романы Л. Толстого...»¹³.

Идея выхода творчества за пределы символического пространства связывается Бердяевым в сочинении «Смысл творчества» (1916 г.) с новой религиозной эпохой, где «творчество перейдет к космическому совершенству, в котором претворится в единое – совершенство человека и совершенство его созданий» [13, с. 521]. В свете этой отдаленной эпохи культура видится формой, воплощающей человеческие неудачи, отражающей невозможность творческого преобразования бытия. «Культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача», – пишет он [Там же]. В символической природе культуры, как и в породившем ее культе, Бердяев видит неудачу, «через неудачу эту лежит, – как он полагает, – путь к высшему бытию» [Там же, с. 522]. Признавая, что все великое в культуре было культовым, он говорит о «метафизической буржуазности» культуры, не допускающей богообщения и достижения вечности. Творчество, по Бердяеву, тогда только возможно и оправдано, когда оно есть служение Богу, а не себе, когда оно есть соучастие в божьем творчестве.

Подходы Бердяева к проблеме творчества и кризиса культуры сопоставимы с представлениями Федорова о рекреатуре как воплощении эстетического

¹³ См.: Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: сб. науч. тр. 1937–1948. М.: Терра; Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 353 [22].

супраморализма. Панморализм мировоззрения Федорова определяет его взгляды на феноменальное бытие культуры. Суть федоровского отношения к культуре заключается в призыве к спасению от культуры. В этом выражена его оценка всех форм, в которых пребывает культура, лишенная сакрального содержания и выросшая на ценностях секулярного сознания. В реализации такого рода ценностей Федоров не видит полноты осуществления свободы личности. Человек не преодолевает смерти, поэтому остается в тесных рамках несвободы павшего мира; культура в этом случае становится манифестацией личного, индивидуального опыта, но не выражением стремления к новой жизни, к вечности.

Проект Федорова направлен на преодоление относительных ценностей и духовной буржуазности. Перед величием «царства абсолютного добра», о котором говорит Федоров, меркнут все преходящие ценности, в том числе и ценность добродетельной жизни, ведущей к индивидуальному спасению. Только действительное воскресение, утверждает он, имеет вечную ценность. Исходя из этого представления, Федоров приходит к мысли о необходимости преодоления культуры, замены ее рекреатурой, воссозданием, воскрешением. В примечаниях к статье «Внутренняя роспись храма» (середина 1890-х гг.) он пишет: «Не признавать верным определения культуры как вымирания и вырождения можно только по недоразумению и недомыслию. Культура есть произведение эпохи, которая отказалась от бессмертной жизни, не признавала зла в умирании личном и вымирании родовом. Она хотела жить, наслаждаться жизнью, издерживать капитал, <...> культурность выражается в самоистреблении, во взаимоистреблении, в истощении сил природы, и прогрессом будет в этом случае такое улучшение, которое вынуждает сперва признать смерть не злом, а потом даже добром» [23, с. 480–481].

Следствием реализации ценностей этой культуры, по мнению Федорова, является милитаризм, углубление разобщения, кризис гуманизма, секуляризация, а значит, профанация всех форм жизни. За призывами к спасению от культуры и за критикой ее исторических форм, пронизывающей «Философию общего дела», стоит стремление сконструировать универсальный образ мира, в полноте и абсолютной значимости которого преодолевается ограниченность исторических форм бытия человечества и относительность всех прежде существовавших ценностей. Преодоление кризиса гуманизма и разложения культуры Федоров видит в теоантропоургии как синергетическом действии человека с Богом. Бердяев, развивая эту тему, полагал, что современная эпоха в полной мере испытала и осознала этот кризис творчества.

«Искусству подобию» противостоит у Федорова «искусство действительности», создающее не новую культуру, а новое бытие. Рекреатура – богочеловеческий процесс восхождения к первообразу мира, не знавшего греха. Этот путь от культуры к Дому Божьему, который «есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины» (1Тим. 3: 15). Образ Божьего строения, разрушенного и созидаемого храма, запечатленный в книгах Ветхого и Нового Заве-

тов, становится фундаментальным архетипом проекта всеобщего воскрешения. Идея воссоздания храма тварного мира, освобождаемого от греховности и тем самым готовящегося к принятию Божьей благодати, определяет содержание теoантропоургической эстетики Федорова.

Сопоставление взглядов мыслителей указывает на близость их понимания причин кризиса культуры и утраты ценностей в системе новоевропейского гуманизма. Они создают проекты возможного преодоления кризиса через обращение к задачам формирования нового религиозного сознания, основанного на позициях активной апокалиптики. В этом Бердяев видит глубокое прозрение Федорова, достойное внимания и осмысления будущими поколениями. «Н. Федоров, пишет Бердяев, – русский из русских, по нему можно изучать своеобразие русской мысли и русских исканий» [3, с. 89]. Статьей «Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н. Федоров)» Бердяев открывает Федорова и его проективное, активное понимание Апокалипсиса грядущим поколениям, ищущим истины и смысла бытия. Не только в России¹⁴, но и за рубежом продолжается диалог с Федоровым и осмысление его философского наследия, которое так высоко ценил Н.А. Бердяев¹⁵.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: Академический проект, 2019. 560 с.
2. Семенова С.Г. Революция глазами русских религиозных философов // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 5–32.
3. Бердяев Н.А. Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н. Федоров) // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. С. 628–634.
4. Федоров Н.Ф. Выставка 1889 года, или наглядное изображение культуры, цивилизации и эксплуатации... (К проекту юбилейной столетней выставки) // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. С. 442–463.
5. Гачева А.Г. «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова в духовных исканиях русского зарубежья // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 320–374.
6. Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 624 с.

¹⁴ См.: Бердяев и современность: Материалы круглых столов кафедры философии гуманитарных и естественнонаучных дисциплин СФИ 2018–2019 гг. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2021 [24].

¹⁵ См.: Хагемейстер М. Н.Ф. Федоров в Германии и немецкоязычных странах // Философ общего дела: Материалы международных научных чтений памяти Н.Ф. Федорова. Москвы «ЦБС ЮЗАО», 2022. С. 266–279 [25]; Hagemeister M. Der “russische Kosmismus” – ein Anachronismus oder die “Philosophie der Zukunft”? // A. Hartmann, Ch. Veldhues (Hg.). Im Zeichen-Raum. Festschrift für Karl Eimermacher zum 60. Geburtstag. Dortmund, 1998. S. 169–201 [26]; Hagemeister M. Nikolaj Fjodorows Projekt der universellen Erlösung und der «russische Kosmismus» // B. Groys, A. Vidokle (Hg.). Kosmismus. Berlin, 2018. S. 168–184 [27]; Young G.M. Nikolai F. Fedorov: an introduction. Belmont: Nordland, 1979 [28]; Young G.M. The Russian cosmists: the esoteric futurism of Nicolai Fedorov and his followers. New York: Oxford Univ. Press, 2012 [29].

7. Гальцева Р.А. Sub specie finis: Утопия творчества Н.А. Бердяева // Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. К портретам русских мыслителей. М.: Петроглиф; Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ, 2012. С. 217–263.
8. Даренский В.Ю. Деконструкция антитезы «славянофильство»–«западничество» в историософии Н.А. Бердяева // Николай Александрович Бердяев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 493–506.
9. Свенцицкий В.П. Ответ Н.А. Бердяеву // Н.А. Бердяев: Pro et contra: антология. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1994. С. 160–165.
10. Гальцева Н.А. Новая встреча со старым Бердяевым // Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. К портретам русских мыслителей. М.: Петроглиф; Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ, 2012. С. 315–328.
11. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 314–356.
12. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. II. Париж: YMCA-PRESS, 1950. 476 с.
13. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
14. Бердяев Н.А. Религия воскресения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова) // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 424–474.
15. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
16. Бердяев Н.А. Русское христианство и буржуазный мир (письмо в редакцию Esprit) // Бердяев Н.А. О духовной буржуазности. Сборник сочинений. М.: Nouveaux Angles; Париж: Editions des Syrtes, 2022. 175 с.
17. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. 272 с.
18. Семенова С.Г. Философия воскресения Н.Ф. Федорова // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. С. 5–33.
19. Федоров Н.Ф. Эстетический кризис // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 452–453.
20. Бердяев Н.А. Чувство Италии // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. С. 318–321.
21. Боневская Н.К. Мой Бердяев. СПб.: Алетейя, 2021. 310 с.
22. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: сб. науч. тр. 1937–1948. М.: Терра; Кн. Клуб Книговек, 2013. 654 с.
23. Федоров Н.Ф. Внутренняя роспись храма // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 473–481.
24. Бердяев и современность: материалы круглых столов кафедры философии гуманитарных и естественнонаучных дисциплин СФИ 2018–2019 гг. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2021. 64 с.
25. Хагемейстер М. Н.Ф. Федоров в Германии и немецкоязычных странах // Философ общего дела: Материалы международных научных чтений памяти Н.Ф. Федорова. М.: ГБУК г. Москвы «ЦБС ЮЗАО», 2022. С. 266–279.
26. Hagemeister M. Der “russische Kosmismus” – ein Anachronismus oder die “Philosophie der Zukunft”? // A. Hartmann, Ch. Veldhues (Hg.). Im Zeichen-Raum. Festschrift für Karl Eimermacher zum 60. Geburtstag. Dortmund, 1998. S. 169–201.
27. Hagemeister M. Nikolaj Fjodorows Projekt der universellen Erlösung und der «russische Kosmismus» // B. Groys, A. Vidokle (Hg.). Kosmismus. Berlin, 2018. S. 168–184.
28. Young G.M. Nikolai F. Fedorov: an introduction. Belmont: Nordland, 1979. 272 p.
29. Young G.M. The Russian cosmists: the esoteric futurism of Nicolai Fedorov and his followers. New York: Oxford Univ. Press, 2012. 280 p.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fedorov, N.F. Vystavka 1889 goda, ili naglyadnoe izobrazhenie kul'tury, tsivilizatsii i ekspluatatsii... (K proektu yubileynoy stoletney vystavki) [The Exhibition of 1899, or a Visual Representation of Culture, Civilization and Exploitation... (To the Project of the Jubilee Centennial Exhibition)], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Progress, 1995, pp. 442–463.
2. Fedorov, N.F. Esteticheskiy krizis [Aesthetic Crisis], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected Works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 452–453.
3. Fedorov, N.F. Vnutrennyaya rospis' khrama [The Interior Painting of the Temple], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected Works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 473–481.

Individual works

4. Berdyaev, N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow: Pravda, 1989. 607 p.
5. Berdyaev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Moscow: Akademycheskiy projekt, 2019. 560 p.
6. Berdyaev, N.A. Religiya voskresheniya («Filosofiya obshchego dela» N.F. Fedorova) [Religion of Resurrection (“Philosophy of Common Cause” by N.F. Fedorov)], in *N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn. Kn. 1* [N.F. Fedorov: Pro et Contra: in 2 books, book 1]. Saint-Petersburg: RKHG, 2004, pp. 424–474.
7. Berdyaev, N.A. Chuvstvo Italii [The Feeling of Italy], in Berdyaev, N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: Publitsistika 1914–1922* [The Fall of the Holy Russian Empire: Journalism 1914–1922]. Moscow: Astrel', 2007, pp. 318–321.
8. Berdyaev, N.A. Tri yubileya (L. Tolstoy, Gen. Ibsen, N. Fedorov) [Three Anniversaries (L. Tolstoy, Gen. Ibsen, N. Fedorov)], in *N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn., Kn. 2* [N.F. Fedorov: Pro et Contra: in 2 books, book 2]. Saint-Petersburg: RKHGA, 2008, pp. 628–634.
9. Berdyaev, N.A. *Opyt eskhatalogicheskoy metafiziki: Sbornik nauchnykh trudov 1937–1948* [Experience of Eschatological Metaphysics: Collection of Scientific Works 1937–1948]. Moscow: Terra; Knizhnyy Klub Knigovek, 2013. 654 p.
10. Berdyaev, N.A. Russkoe khristianstvo i burzhuznyy mir (pis'mo v redaktsiyu Esprit) [Russian Christianity and the Bourgeois World (Letter to the Editor of Esprit)], in Berdyaev, N.A. *Sbornik sochineniy «O dukhovnoy burzhuznosti»* [Collected works “About the spiritual bourgeoisie”]. Moscow: Nouveaux Angles; Parizh: Editions des Syrtés, 2022. 175 p.
11. *Iz istorii filosofsko-esteticheskoy mysli 1920–1930-kh godov. Vyp. 1. N.A. Setnitskiy* [From the History of Philosophical and Aesthetic Thought of the 1920s and 1930s. Issue 1. N.A. Setnitskiy]. Moscow: IMLI RAN, 2003. 624 p.
12. Khaydegger, M. Pis'mo o gumanizme [Letter on Humanism], in *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The Human Problem in Western Philosophy]. Moscow: Progress, 1988, pp. 314–356.
13. Svetsitskiy, V.P. Otvet N.A. Berdyaevu [Reply to N.A. Berdyaev], in *N.A. Berdyaev: Pro et contra: antologiya. Kn. 1* [N.A. Berdyaev: Pro et Contra: an Anthology. Book 1]. Saint-Petersburg: RKHG, 1994, pp. 160–165.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

14. *Berdyaev i sovremennost': Materialy kruglykh stolov kafedry filosofii gumanitarnykh i estestvennonauchnykh distsiplin SFI 2018–2019 gg.* [Berdyaev and Modernity: Materials of the Round Tables of the Department of Philosophy of Humanities and Natural Sciences of the Siberian Branch of

the Russian Academy of Sciences 2018–2019]. Moscow: Svyato-Filaretovskiy pravoslavno-khristianskiy institut, 2021. 64 p.

15. Darenskiy, V.Yu. Dekonstruksiya antitezy «slavyanofil'stvo»–«zapadnichestvo» v istoriosofii N.A. Berdyayeva [Deconstruction of the Antithesis “Slavophilism”–“Westernism” in N.A. Berdyayev’s Historiosophy], in *Nikolay Aleksandrovich Berdyayev* [Nikolai Alexandrovich Berdyayev]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2013, pp. 493–506.

16. Gacheva, A.G. «Filosofiya obshchego dela» N.F. Fedorova v dukhovnykh iskaniyakh russkogo zarubezh'ya [“Philosophy of Common Cause” by N.F. Fedorov in the Spiritual Quest of the Russian Diaspora], in Gacheva, A.G., Kaznina, O.A., Semenova, S.G. *Filosofskiy kontekst russkoy literatury 1920–1930-kh godov* [The Philosophical Context of Russian Literature in the 1920s and 1930s]. Moscow: IMLI RAN, 2003, pp. 320–374.

17. Gal'tseva, R.A. Sub specie finis: Utopiya tvorchestva N.A. Berdyayeva [Sub Specie Finis: The Utopia of N.A. Berdyayev's Creativity], in Gal'tseva, R.A., Rodnyanskaya, I.B. *K portretam russkikh mysliteley* [To Portraits of Russian Thinkers]. Moscow: Petroglif; Patriarshee podvor'e khramdomovogo mts. Tatiany pri MGU, 2012, pp. 217–263.

18. Gal'tseva, N.A. Novaya vstrecha so starym Berdyayevym [New Meeting with the Old Berdyayev], in Gal'tseva, R.A., Rodnyanskaya, I.B. *K portretam russkikh mysliteley* [To Portraits of Russian Thinkers]. Moscow: Petroglif; Patriarshee podvor'e khramdomovogo mts. Tatiany pri MGU, 2012, pp. 315–328.

19. Hagemeister, M. Der “russische Kosmismus” – ein Anachronismus oder die “Philosophie der Zukunft”? in Hartmann, A., Veldhues, Ch. (Hg.). *Im Zeichen-Raum. Festschrift für Karl Eimermacher zum 60. Geburtstag*. Dortmund, 1998, pp. 169–201.

20. Hagemeister, M. Nikolaj Fjodorovs Projekt der universellen Erlösung und der «russische Kosmismus», in Groys, B., Vidokle, A. (Hg.). *Kosmismus*. Berlin, 2018, pp. 168–184.

21. Khagemeyster, M. N.F. Fedorov v Germanii i nemetskoyazychnykh stranakh [Fedorov in Germany and German-speaking Countries], in *Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy pamyati N.F. Fedorova «Filosof obshchego dela»* [Proceedings of the International Scientific Readings in memory of N.F. Fedorov “The Philosopher of Common Cause”]. Moscow: GBUK g. Moskvyy «TsBS YuZAO», 2022, pp. 266–279.

22. Semenova, S.G. Filosofiya voskresheniya N.F. Fedorova [Philosophy of Resurrection by N.F. Fedorov], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Progress, 1995, pp. 5–33.

23. Semenova, S.G. Revolyutsiya glazami russkikh religioznykh filosofov [The Revolution through the Eyes of Russian Religious Philosophers], in Gacheva, A.G., Kaznina, O.A., Semenova, S.G. *Filosofskiy kontekst russkoy literatury 1920–1930-kh godov* [The Philosophical Context of Russian Literature in the 1920s and 1930s]. Moscow: IMLI RAN, 2003, pp. 5–32.

(Monographs)

24. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1979. 423 p.

25. Batkin, L.M. *Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti* [The Italian Renaissance in Search of Individuality]. Moscow: Nauka, 1989. 272 p.

26. Bonetskaya, N.K. *Moy Berdyayev* [My Berdyayev]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2021. 310 p.

27. Young, G.M. Nikolai F. Fedorov: an introduction. Belmont: Nordland, 1979. 272 p.

28. Young, G.M. The Russian cosmists: the esoteric futurism of Nicolai Fedorov and his followers. New York: Oxford Univ. Press, 2012. 280 p.

29. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii. T. II* [History of Russian Philosophy. Vol. II]. Paris: YMCA-PRESS, 1950. 476 p.